

НАТАЛЬЯ
ОРБЕНИНА

— интриги, тайны и любовь —

НОЧНАЯ
КОЛДУНЬЯ

Наталия Орбенина

Ночная колдунья

«ЭКСМО»

2011

Орбенина Н.

Ночная колдунья / Н. Орбенина — «Эксмо», 2011

© Орбенина Н., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Наталья Орбенина

Ночная колдунья

Глава 1

– Стало быть, вы вовсе не верите в привидения, сударь мой? – спросила Аграфена Тихоновна, сложив на груди маленькие полные ручки.

Сидевший напротив полицейский чин вздохнул и развел руками:

– Никак нет, сударыня, приучен службою во всем находить земное толкование.

– Так и я, батюшка, хоть и стара, да из ума еще не выжила! Вовек бы не поверила, если б кто рассказал! – воскликнула собеседница, полненькая благообразная старушка с кружевной наколкой на седой голове.

– Вот вы бы мне и рассказали, как дело было, – предложил околоточный.

– Я, сударь, от страха не знаю, с чего начать, все в голове смешалось!

– Я вам помогу. Два дня тому назад ваша прислуга вызвала полицию, потому как в доме появилось непонятное существо, которое не дает вам покою.

– Да, батюшка, не дает, проклятый, все стучит и шуршит, то по углам, то на чердаке. В другой раз слышатся мне будто как шаги, или вроде кто-то ходит по комнатам. А наемни пошла Глашка, ну та, что к вам прибежала, на задний двор, заглянула в заброшенный колодец, а оттуда он на нее глазами как сверкнет! Вот она и заголосила, чуть ума не лишилась, бедная!

– А вы сами его видели, там, в колодце? – спросил полицейский, с тоской подумав о нервной прислуге, которой вечером да от усталости прирезилось черт знает что.

– Сама-то? – протяжно повторила хозяйка. – А как же! Тотчас побежала и заглянула! Страсть какая! – и она размашисто перекрестилась.

– Что же вы там увидели? – допытывался околоточный, все еще надеясь, что история ограничится этим разговором и его место займет батюшка или доктор.

– Да я толком его и не разглядела, больно страшно стало.

– Так существо еще там, в колодце?

– Не знаю, сударь, мы с Глашей туда не подходили больше. Вроде как возился там кто-то.

– Может, зверь какой, собака, например?

– У собак таких глазниц не бывает! – воскликнула Аграфена Тихоновна.

– Придется пойти посмотреть, кто поселился у вас в заброшенном колодце. Кстати, как давно вы им не пользуетесь? – спросил полицейский, поднимаясь со стула.

– Да, почитай, лет пятнадцать будет, как вода из него ушла. Еще Маша, племянница моя, жива была. Муж ее, Павел Гаврилович, тоже покойничек, царство им небесное, так вот он-то и бился все с ним, с колодцем, да все без толку!

Они вышли из комнат и двинулись на задний двор, где и находился злополучный колодец. Хозяйка дома немного поотстала, и страж порядка бесстрашно подошел к колодцу. Полагая, что все услышанное им фантазии и бред, он заглянул в отверстие и тотчас же с ужасом отпрянул назад. Со дна на него глядели горящие глаза, и они, несомненно, принадлежали живому существу.

– Господи, помилуй! – прошептал полицейский.

– Неужто там еще?! – ужаснулась старуха.

Околоточный кивнул и снова приблизился к краю колодца.

– Эй, ты кто такой, зверь или человек?

– Человек я, человек, помогите вылезти, Христа ради! – донеслось из глубины.

– А зачем ты туда полез? – осмелев, спросил полицейский. Ответом ему было жалобное нечленораздельное мычание.

Послали за дворником и веревкой, и через час существо, беспокоившее старую женщину, было извлечено наружу. Оно оказалось страшным грязным мужиком непонятного возраста.

– Бог мой, это же Кондратий! – всплеснула руками Аграфена Тихоновна. – Но что ты там делал?

Кондратий только мычал и мотал косматой головой.

– Вряд ли, просидев трое суток кряду в колодце, он сможет что-либо толком нам сказать, – заметил околоточный. – Заберу его в участок, а там разберемся. Кем вам доводится ваше привидение?

– Насмехаться изволите, сударь! – обиделась старуха. – Никем не доводится, крестьянин он из имения Машенькиного, которое супруг ее за долги продал. Он всю жизнь тут околачивался, все знания какие-то искал, книги магические.

– Магические книги? – удивился полицейский. – Зачем ему?

– Так ведь он вроде как колдун! – просто ответила хозяйка.

– Час от часу не легче! С вами не соскучишься! То привидения, то колдуны!

– Колдун и есть! – прохрипел извлеченный из зловонных недр колодца мужик. – Только мне не верят, а зря, потому как я, простой, дикий на вид мужик, могу управлять великой силой! Правда, пока мне не всегда удается эту силу в нужную сторону направить. Зло – оно сильнее, оттого и лучше сотворяется. Вот я всю жизнь свою и маюсь, пытаюсь познавать тайны сии, но они сокрыты для меня! – Кондратий удрученно покачал косматой головой.

– Стало быть, ты свои великие тайны в колодце искал! – устало спросил полицейский, которому эта вся история уже порядком поднадоела.

– Точно так! – обрадованно вскрикнул Кондратий. – Там книги бесценные на дне лежат, гниют, плесень их проедает. А в них и сокрыты ключи от тайн потусторонних! – и он с большим беспокойством стал смотреть на дно колодца.

– Ну и как же, по-твоему, они там оказались, эти бесценные сокровища?

– Сам не знаю! Только они не там должны были бы быть, Маргарита Павловна сказывала, что на чердак сарая ее покойный батюшка их запрятал, подальше от непутевого любопытного взора.

– Так и покойный был колдуном? – обратился полицейский к хозяйке дома.

– Господь с вами, батюшка! Наоборот, он человек ученый был, говорил, что все это мракобесие, и Кондратия гнал вон, а книги его поганые из имения в город увез да припрятал. Я и не знала, что они там.

Полицейский помолчал, как будто вспомнил что-то, достал папиросу и, раскурив ее, спросил Кондратия:

– А Маргарита Павловна знала, где книги лежат?

Тот молча кивнул, а Аграфена Тихоновна заволновалась:

– Что вы, сударь, она вовсе ребенком тогда была, что она могла понимать!

Но полицейский уже ее не слушал, нутром почувствовав интересное расследование.

– Ведь если я вас правильно понимаю, – обратился он к старухе, – речь идет о вашей внучатой племяннице, Маргарите Павловне Прозоровой, которая на прошлой неделе была взята под стражу по подозрению в убийстве супруга своего г-на Прозорова, известного промышленника, не так ли?

Старуха со злым отчаянием смотрела на ненавистного Кондратия, с ужасом понимая, что, сама того не ведая, оказала бедной любимой девочке медвежью услугу.

– Так за что г-жа Прозорова рассказала тебе о том, где спрятаны книги, а? Может, ты ей помог в чем-нибудь? – С этими словами околоточный схватил мужика за грязный рукав и заглянул ему в физиономию.

– Может, и помог, только сам не знаю, как это вышло, – пожал сутулыми плечами Кондратий.

– Да что вы слушаете его, сударь! – заголосила Аграфена Тихоновна. – Он же убогий, сумасшедший он! Вам все это подтвердят!

– А это мы в участке все выясним, я думаю, г-ну следователю будет о чем поговорить с этим любителем таинственного! Ступай! – И он потащил незадачливого Кондратия в полицейский участок.

Полицейский следователь Константин Митрофанович Сердюков был неприятно удивлен появлению в своем кабинете околоточного с грязным вонючим мужиком.

– Вы бы, голубчик, первым делом дали ему привести себя в божеский вид, а то мы тут от этого зловония тотчас выйдем!

– Осмелюсь доложить, ваше благородие, этот субъект имеет непосредственное отношение к недавнему делу, то есть к убийству Прозорова.

– Вот как! – Следователь потер свои длинные худые руки и двинулся к столу. – Ну-с, начнем!

Кондратий с большим беспокойством смотрел из-под лохматых бровей, пытаясь понять, что происходит. Полицейский же подробно изложил историю в доме Аграфены Тихоновны.

– Так! – произнес следователь, вытягиваясь на стуле. Он был худой, длинный и очень нескладный. Мундир висел на нем бесформенной тряпкой. К тому же шевелюра его весьма поредела с годами, поэтому вид у него был скучный, и женщины его не любили. Зато сослуживцы ценили цепкий ум Сердюкова и его фантастическое усердие на тяжкой ниве борьбы с душегубцами, ворами и мошенниками.

– Ну, голубчик, – обратился следователь к задержанному, – расскажи-ка нам, как ты помог г-же Прозоровой отправить ее супруга в мир иной?

– Что вы, ваше высокоблагородие, как можно! Я и не знал, что муж ее преставился! Да и видел я его от силы раза два в жизни. Поверьте мне, господин следователь!

– Стало быть, не убивал?

Кондратий отчаянно затряс головой.

– А может, подсобил? – Сердюков неожиданно резко перегнулся через стол и попытался разглядеть выражение лица несчастного. Оно выражало крайнюю растерянность и испуг.

«Убийца из него вряд ли получится, а вот запутать и использовать в своих целях гораздо легче», – подумал Константин Митрофанович.

– Ну хорошо, оставим это пока. Тогда расскажи-ка мне, что это за силы такие таинственные, которыми ты якобы управляешь?

Кондратий оживился, и взор его стал более осмысленным.

– Ваше благородие, я человек простой, неученый, в обычном, так сказать, понимании. Мои науки иные, они неведомы большинству людей. Это тайны добра и зла, возможность по разумению человека вершить оное.

– По-моему, человек вершит и добро и зло уже тысячи лет безо всякого колдовства, – скептически заметил следователь. Мудреная речь неученого мужика вызывала у него недоумение.

– Я говорю о возможности человека управлять злом или добром посредством своей воли.

– И удавалось подобное? – оживился Сердюков, в рыбьих глазах которого играла усмешка.

– Было разок, только до сих пор сомневаюсь, сам поверить не могу, что удалось повелевать чужой волей и сделать ее своим орудием. – Кондратий замолчал и уставился в дощатый выщербленный пол.

– А орудием добра или зла довелось побывать? И чья это была воля, уж не Маргариты ли Прозоровой? – вкрадчиво спросил следователь.

– Не дурак я, понимаю, куда клоните, только к убийству это никакого отношения не имеет. Это совсем другое дело, другое! – Кондратий поднял голову, и глаза его засверкали. – Она пожелала, чтобы ненависть ее обрела, так сказать, материальную силу. Вот я и помог ей, а она вознаградить обещала, сказать, где в их доме мои книги спрятаны. Хотите знать, как это было? Да очень просто. Я дал Маргарите Павловне горстку крупинки соли, просто соли, не яду, боже упаси! Но в эту соль я вложил ее злость и ненависть. Осталось только дать врагу и ждать результата. И свершилось! – Кондратий аж подскочил на стуле от возбуждения.

– Да что же, наконец, произошло, говори толком! – Сердюков окончательно вышел из себя, слушая эту белиберду.

– Упала она с коня, падчерица ее, Варвара, тяжело упала, ноги теперь не ходят, в колясочке возят, – уже совсем тихо проговорил колдун.

Сердюков с изумлением посмотрел на собеседника. Действительно, несколько лет назад, когда Маргарита еще не была женой Прозорова, его красавица дочь Варя упала на прогулке с лошади и осталась безнадежной калеккой, лишенной возможности ходить на своих ногах. Обстоятельства трагедии были странными, по требованию несчастного отца полиция вела дело, подозревая в злом намерении рабочих из прозоровской галантерейной фабрики. Однако все так и осталось невыясненным.

Сердюков встал из-за стола, походил по кабинету, который был такой же узкий и длинный, как его хозяин, и, остановившись напротив мужика, спросил:

– Значит, ты торжествуешь, что твой магический опыт удался? А несчастная, которая во цвете лет стала калеккой, ее судьба тебя не мучит, а, повелитель зла?!

– Что значит один человек! Песчинка перед возможностью управлять гигантскими потоками человеческой воли! Да я и не знал, смогу ли я. Важно самому теперь понять, где пределы моих возможностей! – Кондратий вновь возвысил голос и затряс головой, словно утверждая свое колдовское могущество.

– Я полагаю, в ближайшее время твои горизонты будут весьма ограничены стенами камеры, – жестко заявил следователь.

– А какая моя вина, ваше благородие, коли я дал г-же Прозоровой только соль, самую простую соль, – Кондратий хитро прищурился и в первый раз улыбнулся щербатым ртом.

Сердюков разозлился. Сумасшедший? Новый пророк, вершитель судеб? Но как странно упала бедная Варя! Черт знает что! Вероятно, г-же Прозоровой придется поведать о ее взаимоотношениях со своей падчерицей, которая к тому же являлась ей ровесницей, так как покойный был старше жены раза в два.

Сердюков ожидал прихода Маргариты Прозоровой. Его угнетал тяжелый дух, который стоял в кабинете после ухода доморощенного колдуна. Следователь открыл форточку, но слабый поток воздуха с шумной улицы почти не приносил облегчения. Поэтому г-жа Прозорова, доставленная по его приказу, застала Сердюкова в большом раздражении. Это раздражение следователя усугублялось еще и тем обстоятельством, что всякий раз, когда по делу проходила привлекательная молодая женщина, он совершенно не мог выбрать к ней правильное внутреннее отношение.

Красота настораживала его, внешняя привлекательность уже сама по себе была, по мнению Сердюкова, орудием преступления. Он вел себя учтиво, но против своей же воли действовал жестко и без сентиментальностей. Вот и теперь с тоской смотрел он на Прозорову, мягко

вплывавшую в затхлый кабинет. Женщина была невысокого роста, приятной полноты, темное платье ловко облегалo пышные пропорциональные формы. Солнечный луч, неожиданно сверкнувший сквозь муть немытого стекла, зажег на ее голове настоящий пожар из копны пышных рыже-коричневых волос. «Таковыми волосами украшал своих героинь Тициан», – невольно подумалось следователю. Движения Прозоровой были плавны, и вся она казалась такой мягкой, округлой, что Сердюков с трудом удержался от желания погладить ее. «Кошка, большая рыжая кошка. Однако повезло покойничку, на старости лет получить такой огненный цветок!»

– Маргарита Павловна, прошу садиться, – деревянным голосом предложил следователь. Она кивнула и молча села, аккуратно расправив складки платья, словно находилась не в доме предварительного заключения, а на званом балу.

– Мы не виделись два дня, сударыня, у вас было время поразмыслить о происшедших с вами событиях.

– Это для вас два дня, а для меня вечность! – с некоторым нажимом произнесла вдова. Голос у нее был под стать внешности, низкий и мягкий.

– Я понимаю, сударыня, тюрьма не слишком удобное место для молодой изысканной женщины. Я также понимаю и вашу заботу о младенце, оставленном на попечении родни. Но все, что вы рассказали мне до этого, не вносит ясности в дело, да и кое-что прибавилось! – Сердюков, чтобы придать себе больше уверенности, широкими шагами ходил по кабинету.

– Что же прибавилось? – спросила вдова, но в голосе ее следователь не услышал желанного испуга, который так часто помогал ему в подобных ситуациях. Остановившись напротив, он внимательно посмотрел в лицо женщины, пытаясь прочесть там следы душевной борьбы или раскаяния. Но лицо было спокойно, хотя прекрасные зеленые глаза все еще хранили следы недавних слез. Маргарита Павловна выдержала его испытующий взгляд и, слегка усмехнувшись, произнесла:

– Вы по-прежнему держите меня за злодейку, отправившую на тот свет своего супруга? Сердюков вздохнул:

– Я был бы признателен судьбе за то, чтобы она предоставила мне факты, опровергающие данные прискорбные для вас утверждения. Но обстоятельства таковы, что я должен рассматривать все версии происшедшего. Нынче же я хотел говорить с вами о другом, о вашей падчерице Варваре Платоновне. Не расскажите ли вы мне о том времени, когда вы и Варя не были родственниками, как тогда складывались ваши с ней отношения?

Константин Митрофанович подошел к столу и, наконец, сел.

Прозорова помолчала немного и, пожав плечами, произнесла:

– Но ведь вы и без того знаете, что я выросла в доме у Прозоровых, что Варя мне с детства как сестра!

– Прошу вас чуть подробнее, любая деталь важна сейчас!

– Важна для кого?

– Для вас, дорогая моя, для вас прежде всего!

Маргарита Павловна вяло кивнула и с неохотой продолжила:

– Вероятно, вам известно, что я с десяти лет тесно связана с Прозоровыми. Мой отец, Нелидов Павел Гаврилович, и Платон Петрович Прозоров дружили с юности. Они оба хотели перевернуть мир, послужить Отечеству, словом, были окрылены великими мечтаниями. Отец мой был во многих начинаниях талантлив, но как часто бывает с подобного рода людьми, он совершенно не мог определить себе достойное место в жизни и метался из стороны в сторону. Платон Петрович высоко ценил друга, пытался помогать, но отец был горд и не терпел подачек. К этому надо прибавить постоянное безденежье и мучительные поиски достойного жалования. Сколько себя помню, маман всегда сильно болела, лечение съедало все наши доходы. Имение Гореловка, доставшееся ей по наследству, была заложено-перезаложено, а затем и продано за долги. Потом матушки не стало, отец и я поселились вместе с маминной теткой в ее доме на

Васильевском острове. Бедный папа пристрастился к возлияниям, и дело стало совсем плохо. Конец был ужасный! Растрата казенных денег банка, и... и пуля из пистолета положила конец его земным мучениям!

Мargarита Павловна замолчала, слезы собирались на ее глазах, но она силилась не плакать. Молчал и Сердюков, который с подобными историями сталкивался постоянно. Наконец Прозорова продолжила свой печальный рассказ.

– Платон Петрович, когда узнал о несчастье, выплатил отцовские долги, выкупил и продал Гореловку, а деньги положил в банк на мое имя. Я осталась под присмотром материнной тетки Аграфены Тихоновны. Но Прозоров очень жалел меня и часто брал в свой дом. Ну а когда и его супруга, мать Вари, скончалась, он и вовсе решил, что две сироты должны расти рядом. Я училась в частном женском пансионе вместе с Варей. Я проводила в их усадьбе Цветочное все лето, в их доме на Казанской улице и Рождество, и Пасху. Когда нам исполнилось по шестнадцать лет, Платон Петрович заказал дочери и мне роскошный гардероб, и мы стали выезжать в свет.

– И все это время вы находились в дружеских отношениях с Варварой Платоновной?

– Конечно, мы были как сестры. Но я понимаю, о чем вы хотите спросить. Хотя никто никогда не обращался в доме со мной как с бедной приживалкой, я знала свое место. Я везде сопровождала Варю, я была ее единственной близкой подругой, с которой она могла обсуждать свои девичьи тайны. Но я всегда оставалась в тени, в тени Вари.

– И вам не было обидно, вы не испытывали унижения?

– Может, и случалось нечто подобное, но ведь лучше Вари стать невозможно, – мягко заметила вдова.

– Отчего же невозможно? – Следователь недоуменно поднял белесые брови.

– Вы ведь видели ее, даже теперь, в инвалидной коляске, она все еще хороша. А тогда это было само совершенство природы. Удивительное лицо, какое-то невероятное смешение кровей! Их роду достались чуть раскосые глаза и широкие скулы, темные жесткие густые волосы. Платону Петровичу это придает, – она споткнулась и поправилась: – придавало некоторую резкость чертам. А Варе – особую выразительность, если хотите, загадочность. Мужчины просто разум теряли. Рядом с ней все блекло. К этому надо добавить ум, острый язык, легкую, подвижную высокую фигурку и...

– И огромное наследство, миллионы, не так ли?

– Да, Варвара должна была наследовать дело своего отца, все его капиталы, галантерейные фабрики в Петербурге и Москве, мастерские в Цветочном, само Цветочное, дом в Петербурге на Казанской улице.

– А теперь наследовать будете вы, как законная супруга, и ваш годовалый сынок Николай? – осторожно уточнил Сердюков.

– Да, муж изменил свое завещание сразу после рождения Коли.

– Вероятно, ваши взаимоотношения с Варварой изменились после того, как вы стали женой ее отца, да и к тому же матерью нового наследника?

– Я мало виделась с ней последнее время. Мы почти не общались последний год. Варя и ее муж, почти не выезжая, жили в Цветочном.

– Давайте все же вернемся в тот день, когда с Варей произошло несчастье. Ведь это случилось накануне ее свадьбы?

– Да, Варя и Дмитрий Иванович, ее жених, поехали в тот день верхом. Лошадь понесла, Варя не удержалась в седле и упала.

– Но Варвара Платоновна великолепная наездница, как могла она не удержать отлично выезженную лошадь?

Мargarита Павловна пожала плечами:

– Я плохо езжу верхом. Не знаю. Рядом было много других гостей, все видели, что она не удержалась и упала на камни оврага. Ужасно!

Прозорова вздохнула и стала глядеть в мутное окно, точно припоминая те события.

– А что за крупиночки вы получили как раз накануне от человека по имени Кондратий?

Вдова повернулась к собеседнику с недоумением на лице.

– Ну, те самые, которые должны были помочь вам одолеть ваших врагов?

– Помилуйте, господин следователь, вы верно авантюрных романов читались! – воскликнула Прозорова.

– Никак нет, вот, извольте видеть, и сам ваш помощник, – и в кабинет по приказу следователя снова ввели мужика.

Маргарита Павловна безучастно посмотрела на свидетеля и произнесла:

– Да, я знаю его. Это крестьянин Кондратий. Он больной человек, он сумасшедший, его лечить надо.

Кондратий хитро смотрел вокруг, кивал головой и смущенно мял руки. На требование Сердюкова повторить рассказ о колдовстве он испуганно замычал:

– Соль, только соль.

Но присутствие Кондратия все же взволновало Прозорову, как ни старалась она казаться невозмутимой. Она заявила, что ей дурно от духоты, и ее отправили в камеру.

Глава 2

Железная дверь с грохотом захлопнулась. Конвоир глянул в глазок и зашагал прочь. Оказавшись одна в камере, Маргарита присела на железную привинченную к полу кровать и обхватила голову руками. Самообладание покинуло ее. Чувства раздирали несчастную душу, воспоминания терзали невыносимой болью. Картины недавнего прошлого вставали перед глазами...

Цветочное, такое уютное и гостеприимное! Парк, дальняя заросшая аллея, а там Митя, милый, ненаглядный Митя! Варя, господи, боже ты мой, Варя! Разве могла она выразить словами чувства, которые она питала к Варе. Разве можно словами описать нежную девичью преданность, восторг, восхищение и невыносимую боль утраты, черную зависть и мучительную ревность!

Маргарита не солгала Сердюкову, девушки выросли рядом и очень любили друг друга. Только любовь эта была разной. Варя любила, чтобы Маргоша, так она звала подругу, находилась всегда под рукой. То отнести тайком любовную записочку, то прочесть с чувством страницы модного романа, со вкусом причесать волосы, забежать к модистке справиться о заказанной шляпке – всегда для нее находилось поручение. Впрочем, и сам Прозоров иногда прибегал к услугам своей воспитанницы в решении всяких домашних проблем. Словом, она была всегда нужна, всегда услужлива, приветлива, скромна и незаметна. Однако домашняя прислуга относилась к ней как к барышне, потому что при всей скромности ее положения в доме сирота держала себя с достоинством, вызывающим уважение.

Маргарита обожала и самого Прозорова, и его красавицу дочь. В отношении к Платону Петровичу примешивался и детский страх, и безграничное уважение. Немудрено, боялись его многие. Он был строгий хозяин и своих фабрик, и своей семьи. Когда он сердился, грозный рык его сотрясал весь дом, заставляя трепетать всех домочадцев. Всех, кроме Вари. Варя, любимица отца, избалованная до крайности, единственная могла позволить себе ему противоречить. Правда, это случалось редко, потому как все ее прихоти выполнялись беспрекословно.

Сама же Варя казалась Маргарите существом высшего порядка, ибо никто не мог соперничать с ней в невероятной красоте, грациозности движений, остроумии и образованности. По крайней мере, так считали в доме Прозоровых, так думала и Маргарита. Она боготворила Варвару, и очень долгое время жалкая роль наперсницы богатой наследницы совсем не угнетала девушку. Маргарита справедливо полагала, что та любовь и преданность семье Прозоровых, которую она искренне чувствовала, является мизерной платой за оказанную ей доброту.

Однако шли годы, позади остался частный пансион, где обе девушки получили прекрасное образование, и настала пора думать о замужестве. Поиск жениха для Варвары был осложнен избытком таковых. Претенденты толпились и в столичном доме в Петербурге, и осаждали Цветочное, где семья проводила лето. Прозоров боялся этой толпы светских щеголей, ловцов богатых невест, искателей чужих капиталов. Он с ужасом думал о том, что его дочь изберет в спутники жизни эдакого расфуфыренного хлыща, умеющего складно говорить и широко тратить заработанные чужим трудом деньги. Поэтому он постоянно брал девушку с собой на фабрику, в банк, в рабочие бараки, чтобы она знала и ценила свое будущее наследство. Варвара быстро постигала премудрости дела и с возрастом даже стала давать отцу толковые советы. Она была умна и понимала, что истинную любовь ей будет очень трудно найти. Ведь и самому воздыхателю порой невозможно понять, что более заставляет трепетать его сердце: красавица или ее миллионы?

Что и говорить тогда о бедной воспитаннице! На нее вовсе никто не обращал внимания, несмотря на то что и одевалась она всегда со вкусом, и манеры имела превосходные, и чудесно играла на рояле, была начитанна и умна. Но кому было до этого дело, ведь за душой у нее не было ничегошеньки. Главным ее сокровищем являлась она сама. Мало кто из кав-

леров удостаивал ее вниманием. А ежели и обращались к ней и обнаруживали живость ума, пленительную улыбку, нежный голос и прочие достоинства девушки, то это ровным счетом ничего не меняло, ибо все меркло на фоне ослепительной Варвары, как меркнет трогательное незатейливое очарование полевых цветов рядом с яркой красотой цветов садовых. Поэтому постепенно, незаметно в душу Маргариты стал проникать яд раздумий. «Чем я хуже? Неужели так и пройдет моя жизнь в этой жалкой роли тени за спиной Вари? Как может она быть столь самодовольной, эгоистичной, не видеть каждодневного моего унижения? Разве я недостойна любви и уважения, разве никто не оценит меня, не прольется и для меня с небес немного счастья?!» – думала девушка с отчаянием. Но Варвара не замечала нарастания тоски и печали у своей подруги. Ей, как и многим счастливым и удачливым людям, были присущи эгоизм и душевная слепота.

Счастье вспыхнуло неожиданно и даже как-то просто. Просто потому, что оказалось рядом, и называлось счастье Гривин Дмитрий Иванович, управляющий галантерейными мастерскими в Цветочном. Он проживал в аккуратном флигельке, неподалеку от господского дома. Гривин имел университетский диплом и страстное желание стать значимым человеком. Для этого у него имелись большое честолюбие, воля, способность работать как вол, добросовестность и аккуратность. Ко всему надо добавить, что, не хватая звезд с неба, он был неглупый человек и не лишенный приятной внешности. Роста высокого, ходил, широко расправив недюжинные плечи, на которые чуть спадали светлые мягкие волосы. Серые глаза смотрели спокойно и уверенно, а тонкие губы улыбались, не открывая зубов. Бороды не носил и лицо брил гладко, на английский манер. Дмитрий Иванович происходил из небогатой чиновничьей семьи и рассчитывать в жизни мог только на себя. Прозоров увидел в нем такого работника, который будет служить не за страх, а за совесть, и не ошибся. Гривин очень скоро оправдал его надежды и стал правой рукой хозяина. Постепенно и в доме управляющий стал бывать на правах своего человека, который приходит всегда запросто, даже когда не зовут.

С Варварой Платоновной у Гривина сложились странные и непростые отношения. Он понимал ее, восхищался ею, оказывал разнообразные услуги, но никогда не позволял себе ни малейшего намека на что-либо большее. А Варя хотелось покорить и его. Так, для увеличения числа любовных жертв.

Гривин был осторожен, он вел свою игру тонко. Ведь раздражать дочь хозяина неудачей нельзя, как нельзя и попасться в глупую ловушку злой кокетки. И то, и другое сулило потерю прекрасного места, которым Дмитрий чрезвычайно дорожил. Поэтому он вел себя так, что Варя с ним всегда было чрезвычайно приятно, но схватить за какую либо ниточку души управляющего ей никогда не удавалось. Гривин ускользал из всех хитроумных ловушек до тех пор, пока хищница сама не отступилась, оценив свою несостоявшуюся жертву по достоинству. Безусловно, жениться на дочери хозяина и взять гигантское наследство – это стало бы фантастической удачей. Но Гривин не относился к породе пустых мечтателей, он был рационален и реально оценивал свои шансы. Однако и он был молод, и ему хотелось почувствовать то, о чем так много читал в свое время в книгах. Дмитрий постоянно работал, ему не хватало времени на всякие пустяки, тайные встречи, прогулки под луной и прочее, прочее. Но как он жаждал этих пустяков, боясь сам себе в том признаться!

Гривин потом никак не мог вспомнить, в какой момент он обратил внимание на Маргариту. Это произошло в то лето, когда у девушек завершилось обучение в пансионе и они обе снова приехали в Цветочное. Усадьба находилась верстах в тридцати от станции Павловск. Из Петербурга выезжали поездом, а на станцию Дмитрий присылал коляску с кучером и подводы для вещей. Девушки прибыли после полудня, разморенные духотой вагона, суетой вокзала, тряской и ухабами на дороге, летним солнцем и свежим воздухом. Управляющий встречал барышень у крыльца старого и уютного дома. Первой выпорхнула Варя, обдав Гривина волной

ландышевой эссенции. Следом поднялась Маргарита, протянув молодому человеку свою мягкую, еще совсем не загорелую ручку. Дмитрию показалось, будто он и не видел ее раньше. Он даже не узнал Маргариту в первый момент, а узнав, остался приятно удивлен. Девушка была в том чудном возрасте, когда еще остались нежные последние штрихи юности, через которые мощно пробиваются яркие краски взрослой женщины. Дмитрий ничем не обнаружил своего интереса к Маргарите, но с этого момента стал искать случая увидеться с ней наедине. И такой случай представился. Стоял знойный полдень, в доме было тихо, и только из гостиной доносились нежные звуки рояля.

Дмитрий бесшумно скользнул в комнату, надеясь, что за инструментом он найдет именно Маргариту. Его ожидания оправдались. Он увидел девушку, легко, даже чуть небрежно пробегавшую пальцами по клавишам. Волосы беспорядочной медной волной падали на шею и плечи. Солнце, проникавшее в комнату через кружево трепыхавшей занавеси, делало их еще более яркими. Она не слышала шагов и вздрогнула, когда он оказался рядом.

– Вы испугали меня, Дмитрий Иванович!

Музыка на мгновение замерла.

– Ради бога, прошу меня простить! Я не хотел, чтобы прервались эти чарующие звуки!

– Ой, не лукавьте! – Она погрозила маленьким пальчиком. – Варвара Платоновна играет лучше меня.

– Вас нельзя сравнивать, вы такие разные, что даже одна и та же музыка звучит у каждой по-особенному. Вы, Маргарита Павловна, придаете музыке удивительную нежность, я бы даже сказал, трепетность.

Маргарита благодарно улыбнулась. Она знала, что Гривин не знаток музыки и что он напрочь лишен слуха, но ее согрели его слова, потому как до сих пор было принято хвалить только музицирование Варвары. Она хотела продолжать игру, но музыка не шла на ум, ноты забывались. Она стала сбиваться и со смехом захлопнула крышку рояля.

– Вы смутили меня, Дмитрий Иванович! Не могу более!

Она встала со стула и прошла по гостиной. Дмитрий с удовольствием наблюдал за ее кошачьей грацией, колыханием легкого летнего платья, манящего своей обманчивой прозрачностью.

Оба были смущены, разговор не клеился. Поговорили о книгах. Маргарита поведала своему собеседнику о том, что обожает сочинения господина Дюма-отца.

– Тогда позвольте мне называть вас Марго, королева Марго.

– Какая же я королева без королевства? – удивилась девушка.

– Вы королева моей души! – И Дмитрий изобразил шуточный галантный поклон, помахав в воздухе воображаемой шляпой.

Маргарита подхватила шутку и ответила глубоким реверансом. Они оба расхохотались и вышли на террасу.

Навстречу ударил жаркий воздух, в котором витал запах травы, скошенной утром садовником.

– Отчего мне кажется, что я только теперь узнал вас? – тихо спросил Дмитрий.

– Вы смотрели на предмет, а не на его тень, – грустно ответила Маргарита.

– Нет, вы несправедливы к себе! – горячо воскликнул Гривин. – Не все то золото, что блестит. – И он осторожно взял ее руку, поднес ее к своим губам и стал целовать пальчики, сначала нежно, а затем все более страстно. Девушка оставалась неподвижна. Гривину очень хотелось впиться губами в пленительную шейку, прячущуюся в кружеве воротничка, добраться до ароматных губ, не тронутых помадой, но он боялся испугать и оскорбить Марго. Наконец она вышла из сладостного оцепенения и, отстраняясь, произнесла почти сухо:

– Уж не надеетесь ли вы, Дмитрий Иванович, найти тут легкую добычу?

– Помилуй бог! – Дмитрий был обижен или сделал вид, что обижен. – Я не хотел вас оскорбить. Я прекрасно понимаю, что за вас есть кому вступиться. Платон Петрович защитит вас от всяческих домогательств, так же, как и свою дочь. Вероятно, я был очень нелеп, может, даже груб, простите меня, мне доселе не так часто доводилось обнаруживать свои чувства.

С этими словами Гривин поклонился растерянной Маргарите и быстро пошел прочь. Оставшись одна, бедная девушка разрыдалась. Как глупо все произошло! Не так все представляла она в своих мечтах! Теперь он точно больше не заговорит с ней никогда! Плача, Маргарита бросилась в свою комнату. Она очень боялась, что кто-либо увидит ее слезы и начнутся расспросы. Оказавшись у себя, она немного поуспокоилась. Почему она повела себя столь сурово, хотя Гривин давно будил в ней самые нежные чувства? Сирота слишком хорошо знала, какая судьба ожидает девушек, подобно ей живущих на чужих хлебах, если они проявят легкомысленность и поверят красивым словам и посулам. Она не желала пополнить ряды обесчещенных и брошенных жертв. Поэтому Маргарита взяла себя в руки и решила, что поступила правильно. Ей ужасно хотелось поделиться с Варей, и она уже было пошла в комнату подружки, но почему-то передумала. Вероятно, суеверно побоялась спугнуть нечто, что еще не случилось, но могло случиться потом. Если бы она тогда рассказала все Варваре! Вся дальнейшая жизнь пошла бы по-другому!

Прошло несколько дней. Маргарита видела Гривина издали или мельком. Ей хотелось дать ему понять, что не сердиться на него, но случай все не представлялся. Сам же Гривин ничем не обнаруживал своих чувств, что повергало бедняжку в ужасную тоску. И вот однажды, придя в свою комнатку, она обнаружила брошенный через открытое окно букетик незабудок и крохотный конвертик с запиской. В ней говорилось о том, что если бесценная Марго не сердится и простила его, то он, Гривин, просит подарить ему свидание. Место свидания было выбрано в глухой части парка, в конце заброшенной аллеи. Маргарита от волнения несколько раз прочла письмо, прежде чем поняла его смысл. Сердце заколотилось, ноги подкосились, и она опустилась на кровать. Идти или не идти? Но не успела она задать себе этот вопрос, как уже знала ответ. Теперь следовало решить, какое платье надеть, как зачесать свои чудные волосы. Бедняжка, она и не подозревала, что кавалеры чаще всего вряд ли смотрят на платье, мечтая поскорее сорвать его.

В назначенное время дрожащая от волнения Маргарита появилась в аллее парка. Издали она увидела высокую фигуру управляющего в светлом сюртуке и мягкой шляпе, удивительно шедшей к его лицу. Дмитрий пришел раньше и уже ждал, присев на спиленное старое дерево. Маргарита скованно поздоровалась и тоже села на краешек бревна.

– Чрезвычайно благодарен вам, Маргарита Павловна, что откликнулись на мое письмо. Честно говоря, я был просто в отчаянии от своего безрассудства! – с раскаянием в голосе произнес Дмитрий.

– А я была в ужасе от своей строгости и мнительной недоверчивости, – простодушно ответила девушка.

– Значит, вы совсем не сердитесь на меня?

Она покачала головой в ответ.

– И я не кажусь вам более гнусным коварным оболъстителем невинных душ?

Маргарите стало совестно, оттого что Гривин так легко отгадал ее страхи. Какое-то время они сидели молча, потом потихоньку заговорили каждый о своем детстве, мечтах, помыслах. Говорили и удивлялись, как чудно понимают друг друга, как знакомы каждому тайные движения души другого человека. И так стало радостно, так тепло от обретения родственной души! Поэтому когда Гривин случайно вновь коснулся руки Марго, она сама ответила нежным пожатием.

Это был знак, сигнал. И Дмитрий понял его. Его объятия поглотили трепещущую девушку. Гривин осторожно прикоснулся к губам Марго, она не отстранилась. Тогда его губы

уже более решительно завладели ее губами. Обоим показалось, что их первый поцелуй длился вечность. Дмитрий осыпал поцелуями ее лицо, шею, руки. Она отвечала робко, нежно, и от этого еще более упоительно.

Было уже совсем темно, когда влюбленные опомнились. Маргариту, вероятно, уже искала вся дворня. Поспешно поднявшись с бревна, она пыталась привести в порядок свое платье и растрепанные волосы. Последний поцелуй, уговор на следующую встречу – и бегом к дому.

Глава 3

К счастью, Маргариту никто не искал. Варвара зачиталась романом, а потом заснула. Поэтому, когда горничная пришла сказать Маргарите, что ее зовет барышня, та уже привела себя в порядок и была готова выполнять любые поручения. Одно ей не удавалось – потушить особый огонек, который горел в ее душе, заставляя предательски блестеть глаза и алеть румянец на щеках.

– Ты сегодня что-то больно хороша, что с тобой? Уж не влюбилась ли в кого-нибудь? – спросила Варвара, глядя на отражение подруги в зеркале, перед которым Маргарита расчесывала тяжелые черные волосы подруги.

– Пока ты спала, я нынче много гуляла, вот и нагуляла здоровый цвет лица, – отговорила Маргарита.

– Уж не попался ли тебе на прогулке таинственный возлюбленный с пылкими признаниями? – продолжала допытываться любопытная Варя. Марго, смеясь, замотала головой. Почему она скрыла свою тайну?

Варвара была проницательна и настойчива. В другой раз она в два счета вытянула бы из подруги ее секрет. Но теперь ее занимали собственные проблемы.

– Я получила письмо от Бархатова, – Варя кивнула в сторону распечатанного конверта, брошенного на подзеркальник. – Зимой в Петербурге отец приглашал его погостить летом у нас, вот он и едет.

– Может, в конце концов решится на что-нибудь, – произнесла Маргарита, и обе девушки выразительно посмотрели друг на друга в зеркале.

Юрий Владимирович Бархатов являлся единственным наследником банкирского дома «Бархатов и К». Молодой человек считался завидным женихом. Будучи богачом, он получил образование в Европе, имел бойкий остроумный язык и завидную внешность романтического героя. Когда он появился в доме Прозоровых, большинство соискателей Вариной руки вынуждены были капитулировать. Варвара выделяла Бархатова, и постепенно ей стало казаться, что она влюблена в молодого банкира. Одно плохо, сам Юрий не утвердился в своих помыслах. Нет, конечно же, он был человек порядочный и понимал, чего от него ждут, если он всю зиму ездил в дом, где есть девица на выданье. Но, будучи слабовольным, не умеющим принимать важные решения и нести ответственность за свои поступки, Бархатов все откладывал и откладывал объяснение. Гордая Варя пребывала в раздражении. Прозоров и подавно. Это, по его мнению, и был тот вариант замужества дочери, которого он боялся более всего. Бархатов никак не проявил себя в деле, всем заправлял его отец, сын же большую часть времени проводил в ресторанах, театрах и светских салонах, где его куртуазность и остроумие были просто незаменимы.

Теперь, вероятно, он решился сделать предложение и едет для этого в Цветочное. Девушки пришли в ужасное волнение. Все нужно было продумать до мелочей. И в какую комнату поместить гостя, чтобы в случае надобности без помех совершать прогулки под луной. И наряды, ведь у гостя такой изысканный вкус! И тонкую беседу, которая должна завести жертву в тупик любовного объяснения. А там и папенька с иконой – благословить. Словом, был разработан целый план, который не оставлял Бархатову никаких шансов ускользнуть от цепей Гименея.

Уже с вечера начались приготовления. Платон Петрович, узнав от дочери о приезде молодого человека, только махнул рукой, мол, распорядись сама. Про себя же подумал: «Господи, пронеси и помилуй». Прозоров не напрасно надеялся. Он прекрасно видел, что слабый, но самодовольный и эгоистичный Юрий до смерти боится оказаться под каблуком такой сильной природы, каковой являлась его дочь.

Бархатов явился через два дня с кучей вещей, столь необходимых молодому человеку, который собирается гостить на природе в компании прекрасных дам. Весь его вид свидетельствовал о том, что он следит за новинками моды. Шикарный светлый костюм, белая панама, изящные сандалии. Легко выпрыгнув из коляски, Юрий грациозно поклонился Прозорову и двинулся облобызать ручку Варваре Платоновне, небрежно опираясь на элегантную трость.

Ему была отведена замечательно обставленная комната, которую накануне Варвара собственноручно украсила часами, табакерками, шкатулками, букетами, гравюрами. Все это придавало временному жилищу самый привлекательный вид. Вечером по случаю приезда гостя был дан званый ужин. Гостями стали соседи Прозоровых и Гривин, которому было очень любопытно увидеть покорителя своенравной красавицы. За столом царила возбужденная приподнятая атмосфера. Гость ораторствовал блестяще. Он был чрезвычайно хорош собой, глаза горели из-под темных бровей, щеки пылали от выпитого вина и всеобщего внимания. К ужину он переменял дорожный костюм на еще более изысканное произведение портновского искусства, тонкие благородные руки украсил драгоценными перстнями. Варвару Маргарита одела и причесала с особой тщательностью, и теперь, сидя в уголке стола, как всегда неприметная, она с улыбкой наблюдала за происходящим, но душа ее находилась далеко. Девушку настораживала и огорчала таинственность, которая окутала ее роман с управляющим.

На людях он ничем не выказывал своего особого внимания или расположения, даже, наоборот, стал избегать их встреч и разговоров при свидетелях.

– Я боюсь выдать свои чувства, – так пояснил он Марго свое странное поведение.

– Но что преступного в наших чувствах, почему мы должны таиться? – с горечью как-то спросили Маргарита. – Или вы стыдитесь меня?

– На свете нет человека, более достойного любви и уважения, нежели вы, – с жаром возразил Гривин. – Но поймите, милая Марго, мое положение в деле Прозорова еще не столь прочно. Я желал бы гораздо большего и уверен, что добьюсь этого, но не сейчас, а, по-видимому, не раньше, чем через год. Платон Петрович не терпит легкомыслия, поэтому боюсь, что может превратно понять все происходящее в данный момент. Он ценит мою серьезность, и я стремлюсь оправдать его доверие. Ничто не должно заставить его усомниться сейчас во мне, в моих талантах. Я должен только работать и работать. Тогда я получу право распоряжаться собою. Ко всему прочему, рассчитываю и на изменение своего финансового положения в недалеком будущем, но, опять же, нужно терпение и благоразумие.

Сказав это, Дмитрий нежно обнял Марго, стараясь поцелуями смягчить неприятный разговор. Она молча согласилась, но в душе ее поселилась тревога. Самым неприятным являлось то обстоятельство, что романтического объяснения между ними так и не произошло. Просто как-то в разговорах Гривин стал рассуждать об их совместном будущем, как о деле совершенно решенном. Вероятно, и слова любви будут произнесены только тогда, когда разрушатся все преграды. Истинно благородный человек не может позволить себе пустых обещаний и несбывшихся ожиданий для своей избранницы.

И вот теперь, сидя за столом и раздумывая про себя подобным образом, Маргарита перебирала в памяти все последние встречи, каждое слово, каждый взгляд любимого. Она наблюдала за ним и пришла к выводу, что немногословный Гривин производит более выгодное впечатление, так как всякая сказанная им мысль была интересной и содержательной, хотя, может, и не столь замысловатой и витиеватой, как речи красавца Бархатова.

Варвара Платоновна, как всегда, являлась украшением общества. Нежно-сиреневое шелковое платье, отделанное брюссельскими кружевами, выгодно подчеркивало достоинства стройной фигуры. Слегка загорелая кожа казалась смуглой в отблеске свечей, украшавших стол. Блеск карих миндалевидных глаз, черные тугие косы, уложенные замысловатым узлом, –

все делало девушку просто неотразимой. Юрий, казалось, был пленен окончательно, оставалось решиться и сделать последний шаг к обладанию и этой красотой, и... ее наследством.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.